

Я.П.Гершкович

ПОЛОВЕЦКИЙ КОБЫЗЧИ

Эту статью хотелось бы начать с пояснения, почему мне пришлось писать о половецком комплексе. Первая причина заключается в том, что после раскопок (1984 г) прошло почти четверть века, но до сих пор сведения о нем скудны и не во всем точны (Свдокимов Г.Л., 1991, с.281-283); вторая – я, увы, остался единственным, кто видел погребение на всех этапах раскопок, составил по нему полевою документацию, а затем и соответствующий раздел научного отчета; третья – любезное предложение оперативно издать статью в очередном томе серии “Степи Европы в эпоху средневековья”. Главным редактором этого издания А.В.Евглевским мне было задано множество вопросов, в том числе относительно особенностей так разнообразно представленных тут деревянных изделий. Ниже предложены ответы, по крайней мере, на некоторые из них.

Определение абсолютной датировки в мою задачу не входило.

История открытия

В 1982-1984 гг один из отрядов Краснознаменной экспедиции Института археологии Национальной академии наук Украины (тогда Академии наук УССР) проводил раскопки в зоне строительства оросительной системы на левобережном плато р.Ингулец, на землях с-за “Калиносельский”, между сс.Кирово и Ингуловка Бериславского р-на Херсонской области. В то время здесь визуально определялось около десяти курганов (рис.1), но, по данным современной фотосъемки в системе Google – Планета Земля, их значительно больше (рис.2). Трест “Херсонводстрой” финансировал раскопки четырех из них, мешавших прохождению поливочных агрегатов. В 1982 г отрядом руководил А.В.Симоненко (Симоненко А.В. и др., 1982), а в 1983-1984 гг – автор (Евдоки-

мов Г.Л. и др., 1983; 1984). Как это было тогда принято, раскопки (пробивка траншей) проводились с помощью бульдозера.

Два половецких погребения, ограбленных в древности, найдены в кургане 2, по одному – в курганах 3 и 4. Вполне вероятно, что в невысоких насыпях (до 0,3 м от современной поверхности, диаметром до 20 м) северо-восточнее кургана 2 (рис.2) также содержатся погребения этого времени. Курганы 2 и 4 – самые большие на исследованном участке, оба высотой около 3,5 м (диаметр к.4 – 60 м), причем последний находился ближе всех к долине реки, замыкая могильник с запада.

В кургане 2 была каменная оградка диаметром около 20 м. Не исключено первоначальное наличие оградки, панциря или какого-то иного сооружения и на кургане 4 (рис.3), так как на его поверхности встречались мелкие известняковые камни. По разрезам бровок (рис.3) здесь установлено наличие погребенной почвы со слабо видимой линией древнего горизонта и четырех насыпей. Древнейшая сооружена над захоронениями ямной культуры, а последующие связаны с ямными и катакомбными.

Описание комплекса

Интересующее нас погребение (№ 1) впущено фактически в центр кургана 4, на глубину 2,6 м от поверхности. Его контуры в плане не прослеживались, но по разрезу близлежащей бровки на протяжении 1,2 м и до глубины 2,0 м на фоне плотного серого грунта выделялся рыхловатый гумусированный грунт заполнения входной ямы (рис.3). Вверху, рядом с ней, встречались отдельные кости человека (?) и животных. Разница в уровне дна входной ямы и самого захоронения составляет около 60 см, что соответствует высоте ступеньки, которая спускалась, вероятно, в подбой.

Внутри подбоя находилось деревянная двух-ярусная конструкция, ориентированная с запада на восток, размерами 2,42x0,8 м (рис.4; 5). Поверх верхнего яруса – слой камыша, местами толщиной до 2 см (рис.4, 1).

В верхнем ярусе – пара продольных брусьев длиной 2,2 м, подпрямоугольных в сечении, толщиной около 10 см (рис.4, 2; 7, 1). С помощью штифтов они соединены с не менее чем пятью поперечными планками (попарно в центре и в западной половине, одна планка – в восточной) (рис.7, 2). Ширина последних – от 6 до 10 см, их концы слегка заужены. На одном уровне с этими планками лежали шесть обычных досок такой же ширины и бревнышки диаметром от 3 до 6 см в сечении. Так как между досками есть зазоры, можно предположить дополнительное покрытие гробовища плотными тканями или коврами, прижимаемыми этими бревнышками сверху.

В основе нижнего яруса – также пара продольных брусьев, но более длинных, до 2,42 м. Их концы подтесаны, а с восточной стороны загнуты вверх не менее чем на 10-15 см (рис.5, 2), по бокам – двенадцать сквозных пазов, в которые вставлены планки шириной от 10 до 15 см. Так же, как и вверху, между ними имеются зазоры.

Продольные брусья верхнего и нижнего яруса соединены между собой на каждой стороне вертикальными планками и узкими досками толщиной от 3 до 6 см. Их концы вставлены в пазы между пазами для поперечин. Под тяжестью земли и в результате естественной деформации часть вертикальных досок выступила за пределы брусьев. По северной стенке, почти по центру и ближе к восточному краю, прослежены две доски со сквозными подовальными отверстиями, расположенными вертикально, размерами около 6x3 см (рис.7, 2).

Западная сторона между ярусами закрыта тремя досками шириной до 10 см, установленными под углом 40-45°. Две крайних имеют вверху по три круглых сквозных отверстия

диаметром около 2 см, внутри них сохранились кусочки просмоленного шпатага. Эти планки служили изголовьем для умершего, не исключено наличие на нем подушки из несохранившихся органических материалов.

С противоположного восточного края, закрывая пустое пространство между верхними и нижними брусьями, расположена массивная деревянная деталь размерами 70x30 см, толщиной около 15 см (рис.4, 2; 6). С одной стороны она имеет выступ подтрапедиевидной формы, а с другой – плоская. На выступе зафиксированы сквозные прямоугольные прорезы размерами 6x4 см, а на торце – пазы, в которые вставлены планки, входящие в прорезы, но полностью не перекрывающие их (рис.7, 3). Наружные части планок, надо полагать, предназначались для крепления в пазах какой-то другой детали.

Скелет взрослого человека уложен вплотную к северной стенке гробовища, на поперечины нижнего яруса, в вытянутом положении на спине, головой на запад, лицевым отделом черепа на юг, руки – вдоль корпуса (рис.5, 1).

Почти весь сопровождающий инвентарь сосредоточен справа от скелета, вдоль южной стенки. В области груди – пряжка (1), на правой плечевой кости – деревянное блюдо (2), а под ним – изделие с длинным стержнем (3), у правого крыла таза – нож (4) и фрагмент палочки (5), от блюда почти до колена правой ноги располагался колчан с наконечниками и остатками древков стрел (6), между колчаном и правой стороной тела – лук (7), возле южной стенки, вдоль правой ноги – музыкальный инструмент и вложенный в него смычок (8), слева от инструмента – фрагменты неопределенных железных изделий; возле правой ступни находилась чашечка (9). На левом плече, в области грудной клетки и у лучевой кости левой руки сохранились кусочки ткани.

1. Железная подпрямоугольная пряжка с обломанным язычком размерами 3,3x2,1 см (рис.9, 17).

2. Блюдо из одного куска дерева (ясеня¹)

¹ В настоящее время блюдо находится в экспозиции Херсонского областного краеведческого музея. Таксономическое определение проведено микроскопическим методом по признакам анатомического строения в лаборатории реставрации памятников прикладного искусства из органических материалов Государственного Эрмитажа ст. научн. сотр. химической лаборатории Л.С.Гавриленко. Там же осуществлена консервация блюда реставраторами Т.А.Барановой и Е.А.Чеховой.

продольного среза с перегибом в профиле, на кольцевом поддоне. Высота 5 см, диаметр 37 см, диаметр поддона 5 см, высота поддона 4 см. В основании поддона – сферическое углубление (рис.8, 1). На поверхности сохранились следы токарной обработки. На внешней поверхности блюда обнаружены тонкие нерегулярные насечки (рис.8, 2).

3. Деревянное двусоставное изделие длиной 19 см (рис.14). Одна часть в виде витого зауженного книзу стержня – “веревочка” из вырезанных жгутов – с шаровидным утолщением вверху диаметром 2,2 см. Вторая – чашевидная, высотой 4 см, диаметром 8 см, украшена на внешней стороне тонким валиком с частыми врезными насечками. Эти части соединены с помощью маленького штифта диаметром 0,6 см. Хотя основания этой детали не видно, столь небольшой размер указывает на малую вероятность того, что она была продолжением нижней части в виде шипа.

4. Железный однолезвийный черешковый нож (рис.9, 15). Длина – 11 см, длина черешка – 3 см, максимальная ширина лезвия в основании – 1,4 см.

5. Фрагмент деревянной изогнутой палочки с выступом длиной 2 см, диаметром около 0,4 см (рис.9, 16). На выступе могла находиться кожаная втулка или обмотка. Возможно, представляет собой часть рукояти кнотовища.

6. Колчан, размерами 0,7х0,5 м, изготовлен из бересты, обтянут кожей, фрагменты которой лучше сохранились в центре и основании (рис.5, 1). Возле оснований древков стрел находилась слегка выгнутая деревянная застёжка со сквозным отверстием, сегментовидная в сечении, размерами 3,4х1х0,6 см (рис.9, 11), а со стороны наконечников – плоская подсегментовидной формы дощечка размерами 13х5 см, толщиной 0,5 см (рис.9, 12).

Пять железных наконечников стрел: а) втульчатый 2-х лопастной (с жаловидными отростками), длина втулки – 2,6 см, размах отростков – 2,6 см, диаметр втулки – 0,5 см (рис.9, 2); б) черешковый с упором листовидный, длиной (без черешка, скрытого в сохранившейся части древка) 3,5 см, максимальная

ширина в основании – 1,1 см, (рис.9, 3); в) черешковый с упором ромбический с вогнутыми нижними и несколько выгнутыми верхними ударными гранями, длиной (без черешка) 3 см, максимальная ширина – 1,2 см (рис.9, 1); г) срезень в виде вытянутой лопаточки со слегка закругленной верхней частью, длина сохранившейся части – 2 см, ширина ударной грани – 1 см (рис.9, 4); д) очень плохой сохранности, возможно, ромбический с удлиненной нижней частью.

Не менее десяти древков стрел диаметром от 0,3 до 0,5 см, некоторые маркированы в основании разноцветными полосами (красная, желтая, зеленая, черная) (рис.9, 6, 7), а выше – черными линиями в виде косой сетки (рис.9, 5). У трех древков сохранились утолщенные основания с ушками (рис.9, 8-10).

7. Деревянный лук длиной 1,2 м (рис.5, 1). Возможно, уложен со снятой тетивой. Средняя часть (рукоять) подтреугольная в сечении, шириной 3 см, имеет боковую желобчатую в сечении накладку (рис.9, 13; 9, 13а; 9, 13б); нижняя накладка плоская, шириной 3,3 см. ее продольные края закруглены (рис.9, 14). Отметим полное отсутствие каких-либо костяных деталей.

8. Деревянный смычковый музыкальный инструмент (рис.10; 12). Г.Л.Евдокимов сообщил, что большая его часть изготовлена из ясеня (Евдокимов Г.Л., 1991, с.281), что недавно относительно резонаторной части подтверждено в Отделе научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа к.б.н. М.И. Колосовой².

Корытце ладьевидной формы, размерами 47х11 см (наибольшая ширина приходится примерно на его середину), толщина стенок – 0,5 см, объем – 1262 см³ (рис.10, 1). Наверняка вырезано с помощью ложкарного резца, наподобие тех, которые использовались для изготовления древнерусских гудков (Поветкин В.И., 1982, с.316), но здесь его следы тщательно убраны. Наружная глубина корпуса – 4,5 см. В основании – три разновеликих резонаторных отверстия-духовичка: большое диаметром 1,3 см; среднее, расположенное на

² Пользуясь случаем, выражаю глубокую признательность ей и А.Мазуркевичу, организовавшему эту экспертизу.

расстоянии 4,2 см от большого, диаметром 0,5 см; малое находится выше среднего на 7 см, диаметром 0,3 см. На боковых стенках, между средним и малым отверстиями, сделаны прямоугольные вырезы длиной 5 см, глубиной 0,3 см (рис.10, 2).

С внутренней стороны, у основания, находился струнодержатель коромысловидной формы, его длина в верхней части – около 1,5 см (здесь один край обломан), длина боковых сторон – 2,2 см (рис.11). В верхней части сделаны три выреза для струн, а в основании – небольшие выступы-шипы для крепления в отверстиях в стенках по бокам (диаметр выреза у шипов соответствует толщине стенок). Расстояние между вырезами для струн составляет 0,3 см.

Гриф слегка сужается кверху, его обратная сторона (шейка) закруглена. По бокам, в основании, – по две коротких врезных линии, а выше, на расстоянии 2 см друг от друга, расположены три глубокие прорези – разделители ладов (рис.12, 3). Сразу за третьим ладом находится уступ глубиной 0,4 см, на котором с помощью штифта в сквозном круглом отверстии крепилась плоская дощечка, служившая соединением с головкой грифа. Эта дощечка прямоугольная в сечении, под ней, на уступе, – серия косых насечек, указывающих на то, что она еще и приклеивалась. К сожалению, выше штифта гриф обломан и на протяжении 6 см его конструкция непонятна.

К противоположной стороне дощечки с помощью штифта крепилась головка грифа змеевидной формы (рис.12, 2). Снаружи она слегка вогнута, а на обратной стороне имеет выступы по краям (рис.10, 3, 4). В этих выступах на расстоянии 2 см друг от друга просверлены три отверстия, и в них вставлены округлые в сечении колки.

Слегка изогнутый смычок изготовлен из цельного куска дерева или ветки длиной 48 см, что почти соответствует длине корытца (рис.5, 1). Смычок в сечении овальный или круглый, максимальный диаметр в основании – около 0,7 см, далее он зауживается, но на противо-

ложном конце слегка расширен (рис.13, 5).

9. Деревянная чашечка полусферической формы, возможно, на невысоком поддоне. Диаметр венчика – около 10 см³.

Анализ комплекса

По составу инвентаря, включающего лук, стрелы, колчан, с большой долей вероятности (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.116, табл.6) можно утверждать, что в погребении захоронен мужчина. Несмотря на четко установленное расположение, материал для антропологического изучения взять не удалось из-за крайне плохой сохранности костей, которые буквально рассыпались при прикосновении.

Поражает разнообразие найденных в погребении деревянных изделий и их относительно хорошая сохранность. В Северном Причерноморье подобных погребений, за редким исключением (Рассамакин Ю.Я., 2003, с.216), известно очень мало. В данном случае сохранность обусловлена не только тем, что погребение не было ограблено, но, вероятно, и обрушением свода подбоя вскоре после совершения захоронения, что воспрепятствовало продолжительному доступу воздуха. Дополнительным условием послужило возможное совершение захоронения в зимний период, когда активность микроорганизмов была минимальной. При любых прочих условиях мы получили бы вполне заурядный набор находок – железные наконечники стрел, нож, пряжку и остатки (тлен) непонятной погребальной конструкции. Так в очередной раз получено доказательство необходимости учитывать фактор сохранности при социально-экономических реконструкциях по материалам памятников любой эпохи. Например, даже во впускных безынвентарных захоронениях эпохи поздней бронзы предметов из органических материалов, чрезвычайно дорогих и престижных для своего времени, могло быть несоизмеримо больше, чем в погребениях с несколькими сосудами под самостоятельными насыпями или досыпками.

³ Рисунки блюда и чашечки кем-то изъяты из отчета в Научном архиве ИА НАНУ. Фрагменты этих изделий вместе с другими находками переданы на постоянное хранение в Херсонский областной краеведческий музей и в настоящее время для меня недоступны.

Наиболее очевидные аналогии некоторым найденным деревянным изделиям предоставляют материалы древнего Новгорода. Обращение к ним правомерно, в том числе с точки зрения синхронности, пусть даже заведомо частичной. Возможности же сопоставлений со средневековыми кочевническими древностями пока, к сожалению, минимальны, хотя отчасти это компенсируется письменными свидетельствами и этнографическими данными.

Уже в ходе расчистки *гробовища* стало понятно, что оно очень напоминает собой сани. Об этом свидетельствуют загнутые вверх брусья нижнего яруса – полозья, выступающие за пределы поперечин и продольных брусьев верхнего яруса, грядок или нащепов (рис.7, 1, 2). Первоначально, до помещения в подбой и обрушения свода, загнутость полозьев была несколько большей. Подобные конструкции трудно идентифицировать, но, вероятно, они доходят до нас в виде т.н. “решетчатых гробовищ”, т.е. последние представляли собой не только кузова или иные детали колесных транспортных средств, но и бесколесных. Общее сходство конструкции деревянных саней и повозок вполне очевидно (Шалобудов В.Н., Лесничий П.П., 2003, с.194, рис.1; 2, 1; 5).

Изготавливались ли эти сани специально для захоронения или для этого переоборудовались готовые? Даже при первом варианте сани копировали реальные, широко распространенные в быту кочевников, но в рассматриваемом случае речь все-таки может идти, скорее, о переоборудовании – иначе трудно объяснить наличие специально изготовленного изголовья, т.е. детали, лишенной какого-либо функционального смысла в реальных санях в позиции между двумя ярусами продольных брусьев, т.е. сиденьем и полозьями. Абсолютно нефункциональными смотрятся и поперечные планки нижнего яруса, мешавшие передвижению хоть по снегу, хоть по земле.

Еще одним признаком переоборудования, возможно, является деталь с выступом и прорезями (рис.7, 3). Не исключено, что это составная часть реальных саней, возможно, спинка съемного кузова, попавшая в погребение в силу представлений, предполагавших,

что покойник “ехал” в потусторонний мир на санях, которые после его ожидаемого воскрешения должны использоваться по своему прямому назначению. Реконструкцию саней с дощатым кузовом предложил Б.А.Колчин, в древоносных слоях Великого Новгорода X–XV вв. сохранились фрагменты спинок кресел подобной формы и некоторые из них представляют собой именно спинки саней (Колчин Б.А., 1968, рис.45; 1971, с.25, рис.1, 2; табл.13, 1).

В верхних частях двух вертикальных досок, выступающих за пределы продольных брусьев верхнего яруса, есть подовальные сквозные отверстия, возможно, для крепления съемного кузова (рис.7, 2). Такие же отверстия есть в оглоблях новгородских саней, представлявших собой округлые в сечении длинные жерди, необходимые для надевания оглобель на копылы (Колчин Б.А., 1968, с.53, табл.43, 1–8). Отсюда еще один вариант объяснения досок с отверстиями: первоначально они были оглоблями, позже их распилили для гробовища.

Как известно, сани использовали не только в зимний период (Вовк Х., 1995, с.328), а описанные здесь обладают как “зимними”, так и “летними” – невысокие копылы, слабый загиб полозьев – признаками (Васильев М.И., 2006, с.118). Об их роли в погребальном обряде написано довольно много еще с конца XIX в. (Анучин Д., 1890), и в нашу задачу не входит детальный обзор этой интересной проблемы. Можно лишь напомнить, что, например, доставка санями покойника на кладбище считается архаичной особенностью (Вовк Х., 1995, с.328–329⁴; Рыбаков Б.А., 1987, с.112), а находки транспортных средств – повозок или саней – в Северном Причерноморье известны с эпохи ранней бронзы, причем колесные производны от последних (Избицер Е.В., 1990, с.33–34). В степном Заволжье в погребении ямно-катакомбного облика выявлены отпечатки полозьев деревянных саней, на которые был уложен умерший (Юдин А.И., Лопатин В.А., 1989, с.131). Для кон.IV тыс. до н.э. серия глиняных моделей саней представлена в томашевской группе трипольской культуры в междуречье Буга и Днестра (Бурдо Н.Б., 2003, с.25–30).

⁴ Х.Вовк считал свою статью 1896 г дополнением к статье Д.Анучина (Вовк Х., 1995, с.335).

Колчан, если принять за его основание дощечку возле наконечников (рис.13, 12), был сегментовидным в разрезе, размерами не отличается от других подобных предметов из комплекта половецкого воинского снаряжения (Медведев А.Ф., 1966, с.19-20). Колчаны более сложной и оригинальной конструкции находят в погребениях “знати” (Рассамакин Ю.Я., 2003, с.222, рис.4, 4).

Все железные *наконечники стрел* (рис.9, 1-4) разных типов и, соответственно, разного назначения (Медведев А.Ф., 1966, с.53). Столько же известно в колчанном наборе из знаменитого Чингульского кургана, а в погр.3 кург.30 у с.Виноградное на р.Молочной их было три (Отрошенко В.В., Рассамакин Ю.Я., 1986, с.26; Рассамакин Ю.Я., 2003, с.222). Больше количество древков стрел, по сравнению с древками, снабженными наконечниками, вероятно, связано с тем, что древки чаще ломались, а их производство имело сезонный характер (Кищенко В.Г., 2003, с.132-133).

Лук, безусловно, сложносоставной. В отличие от новгородских, более длинных, предназначавшихся пешим лучникам (Медведев А.Ф., 1966, с.11), принадлежал воину-всаднику.

Блюда и чаша имеют правильные очертания. Это свидетельствует об их изготовлении на токарном станке (Колчин Б.А., 1968, с.31, 32). Блюдо по форме и размерам больше всего напоминает новгородские второго типа, появившиеся с XIII в. (Колчин Б.А., 1968, рис.24, 20, с.35). Подобная посуда, равно как и кожаная, наверняка, имела широкое распространение как у кочевников, так и в среде оседлого сельского и городского населения. В целом, в погребении представлена посуда разного назначения, своего рода “погребальный сервиз”.

Назначение *деревянного изделия с длинным стержнем* (рис.14) непонятно. Расположение под блюдом позволяет допустить, что и оно представляет собой некую разновидность посуды, например, оригинальный ручной (стержень – ручка) сосуд для напитков, с учетом небольшого объема емкости – всего около 100 см³ – алкогольных или наркотических. Однако нельзя не обратить также внимание и на совпадение не-

которых деталей с описанием головного убора – бокка – у монголов, приведенным Плато Карпини: “...на голове же они носят нечто круглое, сделанное из прутьев или из коры, длиною в один локоть и заканчивающееся наверху четырехугольником, ...а наверху имеет один длинный и тонкий прут из золота, серебра или дерева...” (курсив мой – Я.Г.) (цит. по Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.36-37 – здесь же сведения о головном уборе гу-гу, ссылки на изображения на рисунках в Монголии и др.).

Железные пряжка и нож (рис.13, 17, 15) – очень распространенные категории находок. Ножи известны также по изображениям на каменных изваяниях, и мужских, и женских (Плетнева С.А., 1974, с.49, рис.20, 17). Следует обратить внимание на расположение пряжки в области груди, т.е. наиболее вероятную ее связь с одеждой или португеей, а ножа – у правого бедра, в кармане пояса или в подвешенном к нему кожаном футляре.

Музыкальный инструмент – пока единственный реальный артефакт такого рода среди восточноевропейских, а возможно, и, в целом, евразийских кочевнических древностей позднего средневековья. Нет сомнений, что он относится к типу кобыза или кобуза, известного у древних и современных тюркских народов (отсюда человек, играющий на нем, – кобызчи).

Создается впечатление, которое, пожалуй, невозможно сейчас доказать, что в погребении инструмент был уложен поломанным, во всяком случае, в нем недостает некоторых деталей, преимущественно мелких, но все равно крайне важных для исчерпывающего понимания всей конструкции. В первой публикации он представлен как трехструнный, с семью ладами на грифе; струны пропущены на обратную сторону через вырез в основании головки грифа и закреплены здесь на колки, а внизу выходят на внешнюю сторону корытца, где обматывались вокруг стержневидного выступа; в прорезях в боковых вырезах показана плоская дощечка, а на ней подставка под струны (Євдокимов Г.Л., 1991, мал.2, 3). Такое представление не во всем соответствует данным, зафиксированным полевой документацией⁵,

⁵ Недавно А.В.Евглевский познакомил меня с неизвестными мне ранее рисунками инструмента. На некоторых из них он изменен фактически до полной неузнаваемости и в целом, и по отдельным деталям. Чья игра воображения способствовала появлению этих рисунков, является для меня загадкой.

поэтому ниже попробуем предложить более реальную реконструкцию (рис.13).

В вырезках не было следов поперечной дощечки с подставкой (кобылкой), но ясно, что они расположены в том месте, где струны выходили на уровень верхнего среза корытца. Следовательно, более вероятно оформление вырезами участка, где смычок касался струн (рис.13, 2), т.е. благодаря этим вырезам, по мере необходимости, обеспечивалась попеременная игра на крайних, боковых, струнах. Наличие такой детали связано с мастерством (виртуозностью) конкретного исполнителя, и если это так, то инструмент изготовлялся им самим.

Действительно, расположения колков предполагает крепление струн с внутренней стороны головки и выведение их сюда через специальный вырез. Но где же он находился? Безусловно, не в основании головки грифа, как показано на рисунке Г.Л.Евдокимова, так как небольшое отверстие здесь узкое, бесформенное, со свежим изломом внутри, т.е. недавнего происхождения. По нашему мнению, один сквозной большой вырез или три малых – по количеству струн – могли располагаться только в недостающей части грифа (рис.13, 1-4). Для предотвращения соприкосновения струн при настройке головка с колками, возможно, устанавливалась под небольшим наклоном к плоскости последнего (рис.13, 4).

В пределах грифа должен был располагаться порожек, абсолютно необходимый из-за большой длины струн. Наиболее подходящим местом для него был зазор между вырезом в грифе и накладной дощечкой (рис.13, 2). Верхний порожек, если он вообще был, мог устанавливаться внутри корытца, прочное скрепление его с корпусом с помощью шипов или штифтов, как и на многих современных струнных инструментах, не обязательно.

В прорезях для ладов вполне могли размещаться перевязи из сухожилий или т.п., при этом общее количество ладов было не более трех-четырех, даже если принять за них короткие насечки по краям у основания грифа и пространство от края соединительной дощечки до начала выреза. Л.М.Черкасский, знаток струнных украинских народных музыкальных

инструментов, обратил наше внимание на нелогичность такого решения, приводившего к значительному сужению звучания⁶. Но даже при относительно простом терцовом строе и малого количества ладов хватало бы для исполнения мелодий в небольшом диапазоне. При игре рука могла находиться в одной позиции и звуковысотность достигалась только передвижением пальцев в ее пределах, при этом часть грифа между головкой и нижним порошком (шейка) упиралась в корпус исполнителя.

Деревянный перевитый стержень с чашечкой (рис.14) ни в коем случае не является частью инструмента (Евдокимов Г.Л., 1991, мал.3) – перед нами заведомо разные, функционально несвязанные предметы (см. выше). Струны обматывались и привязывались к боковым планкам струнодержателя, а затем или выходили в ложе канавок в его верхней части, или перевязывались непосредственно в самих канавках: здесь сохранились следы воздействия струн в виде слегка вдавленных полос на широких плоскостях (рис.11, 2). На готовом к игре инструменте струнодержатель принимал почти горизонтальное положение, и, будучи вставленным выступами в отверстия в боках корытца, сам по себе обеспечивал достаточно прочное и надежное крепление.

В ходе консультаций со специалистами всегда возникал вопрос о наличии сплошной верхней полочки (деки). Полагаю, таковой все-таки не было. Об этом свидетельствуют и полное отсутствие каких-либо ее остатков, и округлые верхние края корытца, к которым приклеить такую относительно большую и массивную деталь было просто невозможно. Л.М.Черкасский предположил наличие натянутой на корпус кожаной мембраны, ибо без нее резонаторные отверстия лишены смысла. Я полагаю, что такой вариант нельзя исключать, но мембрана не могла быть сплошной, так как закрывала бы вырезы по бокам, кроме этого, она не позволяла бы вывести струны наружу от слегка “утопленного” внутрь корытца струнодержателя. На известной статуе из Симферопольского историко-краеведческого музея (Плетнева С.А., 1974, с.105, табл.65, 1156; с.33, рис.10, 45), как нам представляется, изображен подобный инструмент: при наличии

⁶ Пользуясь случаем, выражаю глубокую признательность Л.М.Черкасскому за консультацию.

верхней деки мастеру по камню не пришлось бы показывать у него двойной контур (впрочем, не будем забывать условность изображения).

Отверстия-духовички имеют разный диаметр, но какой реальный эффект с их помощью достигался можно будет выяснить только после изготовления нескольких вариантов действующих копий. Мы не должны исключать и того, что древний мастер, а его логику мы сейчас вряд ли в состоянии постичь полностью, попросту не знал, какова их функция, и вырезал их по аналогии с какими-то другими подобными инструментами того времени, действительно снабженными верхними полочками с духовичками. Таковыми были древнерусские гудки и гусли.

Надеюсь, специалисты в области истории музыкальных инструментов еще скажут свое слово относительно других возможных вариантов реконструкции, но некоторые из затронутых выше вопросов уже снимаются этнографическими данными. В начале XIX в. А.И.Левшин отмечал: “*кобыз* похож на старинный русский гудок и даже немного на скрипку, но не имеет верхней деки (курсив мой – Я.Г.) и состоит из выдолбленного полусфера с приделанною к нему вверху ручкою и с выпуском внизу для утверждения подставки. Струны, на кобыз навязываемые, очень толсты и свиваются из конских волос. Играют на нем, сжимая его в коленях (как виолончель), коротким смычком. Тоны, издаваемые сим инструментом, отменно грубы и нечисты, однако ж, я слышал на нем подражание пению разных птиц, очень близкое к природному” (Левшин А.И., 1996, с.354).

Кобыз, гудок, ребек, фидула

Наша находка вполне подтверждает слова В.И.Поветкина: “Исторические пути конструктивных идей музыкальных инструментов неотделимы от общеисторических процессов. Вот почему даже с виду незначительный, лишенный легендарного ореола музыкальный инструмент может найти себе “двойника” в самом неожиданном месте и времени. И такой факт должны объяснять и учитывать не одни лишь историки музыки” (Поветкин В.И.,

1993). Думаю вполне закономерно, как явления одной эпохи, изделия, очень близкие половецкому, своего рода “двойники”, представлены в слоях XI-XV вв. Великого Новгорода и, по отдельным деталям, Старой Руссы (Колчин Б.А., 1968, с.87, табл.81, 4-6; 1978, с.182, рис.1-4; Поветкин В.И., 2001). Интересны как их конструктивные сходства, так и отличия (см. рис. в статье Евглевского А.В. “Музыкальные смычковые инструменты из погребений кочевников Золотой Орды” (в печати)).

Наиболее явные сходства в “ладьевидной” форме, глубине (4-5 см) и толщине стенок (0,5 см) корытец; змеевидной головке грифов; использовании при игре короткого смычка (лучка, погудальца); расположении струн в одной плоскости. Отличия – в меньших, почти в два раза, размерах новгородских инструментов (общая длина – около 40 см, а объем корытца – 550 см³), отсутствии длинного грифа с врезными ладами, наличии верхней деки, иной, наружной, системе крепления струн и значительно большим (на новгородских – до 1,8 см) расстоянии между ними. На новгородском инструменте XIV в. установлено наличие трех струн разного диаметра: высокой по звучанию (0,6 мм) и двух по 0,8 мм (Поветкин В.И., 1982, с.312), а на половецком, судя по ширине канавок на верхней планке струнодержателя, система несколько иная: все они или одного диаметра (в этом случае разное звучание обеспечивалось только степенью натяжения на колках), или, если допустить связь с диаметром духовых отверстий, все были разной толщины.

Прародиной смычковых инструментов считается Средняя Азия, откуда в XI в. они попадают в Европу, в том числе и на Русь (Колчин Б.А., 1978, с.180-181). Тем более вероятно широкое их распространение по степной зоне в кочевнической среде, и это подтверждается многочисленными свидетельствами. О половецком “гудце” Оре, посланном к хану Отроку (Атараку) ханом Сырчаном (Сарганом), сообщается в Ипатьевской летописи; в XIII в. о “гитарах” у монголо-татар сообщал фламандский путешественник Вильгельм де Рубрук (Рубрук Г., 1957, с.96). Кобыз упоминается в древнетюркском эпосе “Китаб-и дэдэм Коркут” (“Книга моего деда Коркута”), где содержатся древние народные сказания X-XV вв.

и говорится о Коркуте, изобретателе кобыза (Мелетинский Е.М., 1985, с.588). Он, согласно легенде, жил более 200 лет, пока звучал его кобыз (Надилов Н., 2004). Этому инструменту приписывались волшебные свойства. Вплоть до нашего времени люди, обладающие даром игры на кобызе, выполняли, как и Коркут, функции шаманов (баксы) и знахарей (Basilov V.N., 1989, p.154).

Итак, находка в половецком погребении, неожиданная сама по себе, все же вполне закономерна. Она вполне вписывается в сведения о развитой музыкальной культуре кочевых тюркоязычных народов позднего средневековья и относится к одному из ранних этапов развития такого рода инструментов.

В Западной Европе родственные кобызу и гудку смычковые музыкальные инструменты – ребек (от арабского *ребаб* или *рабаб*), фидула или фидель (от латинского *фидес* – струна.). Эти “братья” кобыза считаются “прадедушками” скрипки. Позже название *кобыз/кобуз* перешло на украинский лютьнеподобный струнный шипковый музыкальный инструмент – кобзу. Удивителен и интригующе интересен круговорот идей и их материальных воплощений!

Приходится с большим сожалением констатировать невозможность в 1984 г, в эру “бульдозерной археологии”, в условиях, когда темпы раскопок диктовались строителями, обеспечить надежную консервацию и сохранность всех деревянных изделий. Я предпочитаю термин “конвейерная археология”, но суть

от этого не меняется, равно как и мера вины не только строителей, но и нас самих.

Описанное погребение не попадает ни в разряд “бедных” – впущено в центр кургана на относительно большую глубину, остатки “решетчатых гробовиц” встречаются отнюдь не в каждом захоронении, ни в разряд “богатых” – известны погребения со значительно более количественным и качественным набором инвентаря. Иными словами, умерший явно имел особый социальный статус при относительно невысоком имущественном ранге (ср. Цимиданов В.В., 2004, с.108). Такой статус он получил, скорее всего, обладая музыкальным даром, почитаемым современниками. Это был не сам Коркут, а один из тех певцов, шаманов, знахарей, черты которых вобрал в себя его полупоупендарный образ. Но найденный нами половецкий кобызчи мог быть современником Ори или даже – кто знает? – им самим.

Несмотря на оригинальность инструмента, сходство его с новгородскими в очередной раз поднимает проблему взаимосвязей кочевого, тюркского, мира и оседлого, славянского. При этом вопрос о заимствовании той или иной стороной в принципе не актуален, ибо общие прототипы существовали и раньше. Отличия же между ними не настолько велики, чтобы было лишено оснований предположение, что кобызчи мог играть на гудке, а гудошник на кобызе. Разными, наверняка, были лишь мелодии и песни, половецкие и древнерусские.

Рис. 1. Общий план расположения курганов на участке мелиоративного строительства. Условные обозначения: а – раскопанные курганы; б – нераскопанные курганы.

Fig. 1. The general layout of barrows location at the site of ameliorative works. Legend: а – excavated barrows; б – unexcavated barrows

Рис. 2. Расположение курганов возле сс.Кирово и Ингуловка по данным современной космической съемки из системы Google. Условные обозначения: а – раскопанные курганы; б – нераскопанные курганы; в – курганы вне зоны мелиоративного строительства.

Fig. 2. The location of barrows near Kirovo and Ingulovka villages according to Google Earth space photomapping. Legend: а – excavated barrows; б – unexcavated barrows; в – barrows beyond the area of ameliorative works

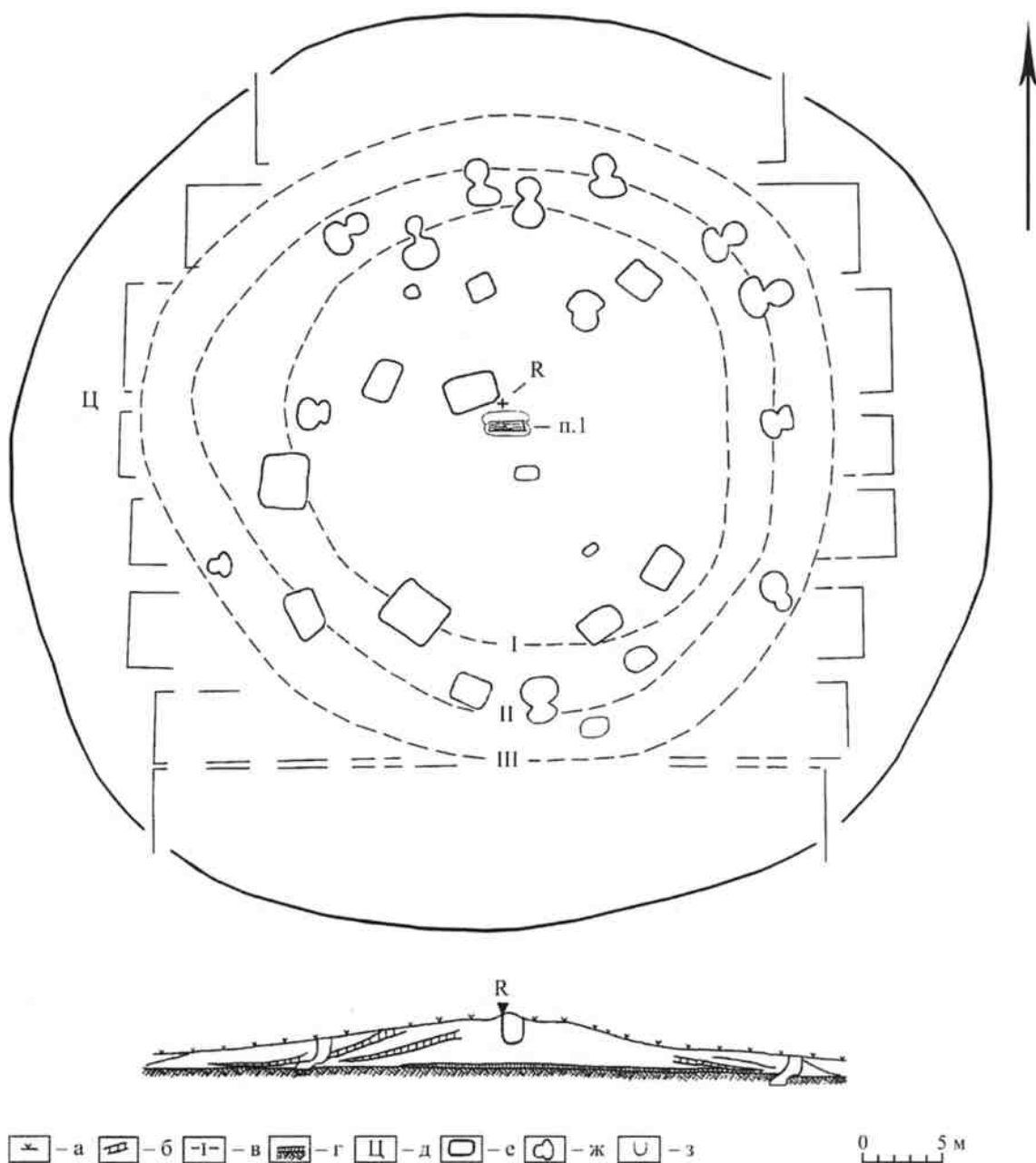

Рис. 3. Общий план кургана 4 у с.Кирово и разрез южной стороны центральной бровки. Условные обозначения: а – современная поверхность; б – насыпи ямного и катакомбного времени (на разрезе); в – насыпи ямного и катакомбного времени (на общем плане); г – погребенная почва и материк; д – центральная бровка; е – погребения ямной культуры; ж – погребения катакомбной культуры; з – часть входной ямы (?) погребения 1 (на разрезе) и предполагаемый контур подбоя (?) на общем плане.

Fig. 3. The general layout of barrow 4 near Kirovo village and a section of the southern side of the central edge. Legend: а – modern surface; б – mounds of the Pit Grave and the Catacomb time (the section); в – mounds of the Pit Grave and the Catacomb time (the general layout); г – the buried soil and subsoil; д – the central edge; е – burials of the Pit Grave culture; ж – burials of the Catacomb culture; з – a part of the inlet hole (?) of burial 1 (the section) and a supposed contour of the niche (?), the general layout

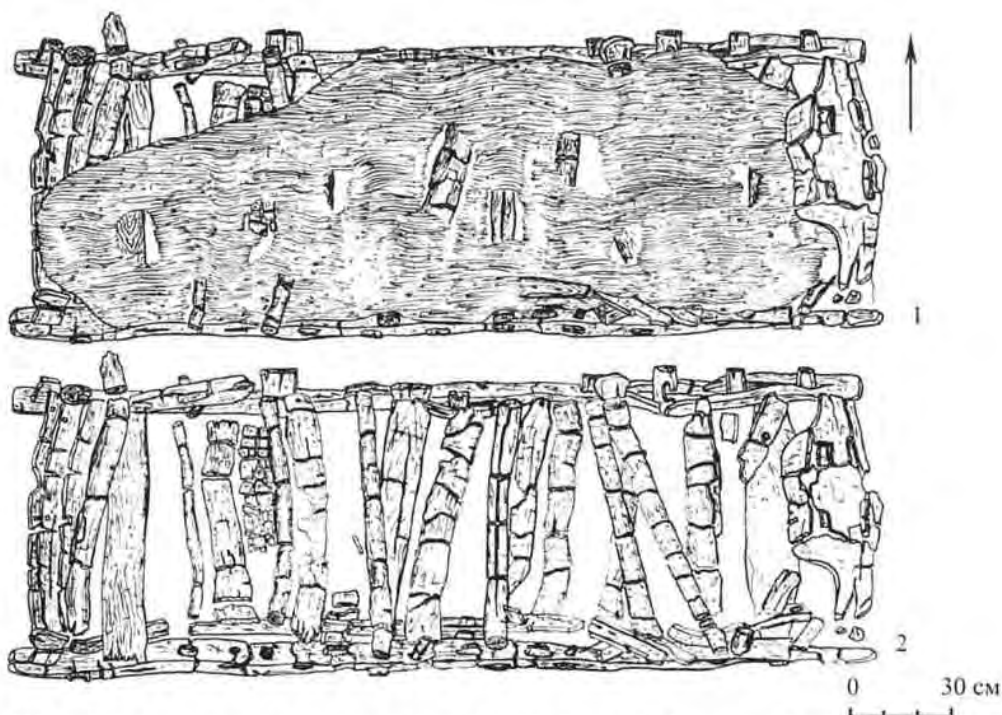

Рис. 4. Общий вид деревянной конструкции из погребения 1: 1 – верхний ярус со слоем камыша; 2 – верхний ярус конструкции без камыша.

Fig. 4. The general view of a wooden construction from burial 1: 1 – the top tier with a cane layer; 2 – the top tier of the construction without a cane

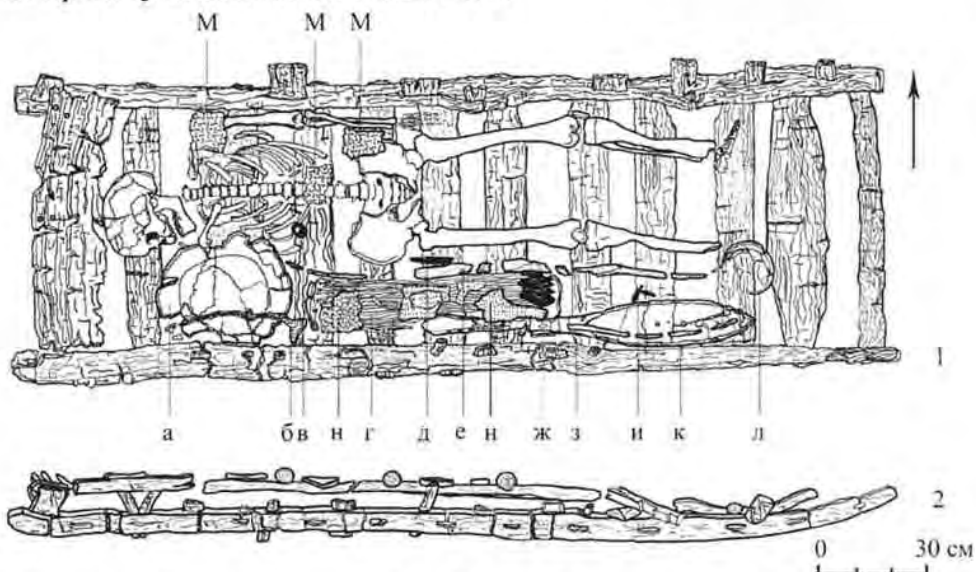

Рис. 5. План погребения 1 из кургана 4 у с.Кирово: 1 – расположение костяка умершего и сопроводительного инвентаря на нижнем ярусе деревянной конструкции; 2 – вид конструкции с южной стороны. Условные обозначения: а – блюдо; б – изделие со стержнем (частично под блюдом); в – пряжка; г – колчан; д – нож; е – лук; ж – наконечники стрел; з – смычок; и – железные изделия; к – кобыз; л – чашечка; м – фрагменты ткани; н – береста.

Fig. 5. The layout of burial 1 from barrow 4 near Kirovo village: 1 – the arrangement of a skeleton of the dead and the accompanying inventory on the bottom tier of a wooden construction; 2 – the southern view of the construction. Legend: а – a dish; б – an item with a rod (partially under the dish); в – a buckle; г – a quiver; д – a knife; е – a bow; ж – arrowheads; з – a bow for a musical instrument; и – iron items; к – the kobyz; л – a little cup; м – fragments of fabric; н – birch bark

Рис. 6. Фото деревянной детали с выступом между верхними и нижними брусьями (вид с востока).

Fig. 6. A photo of a wooden detail with a ledge between the top and the bottom squared timbers (an east view)

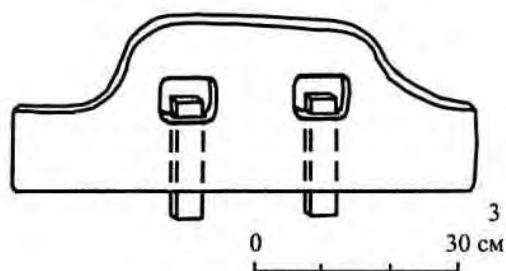
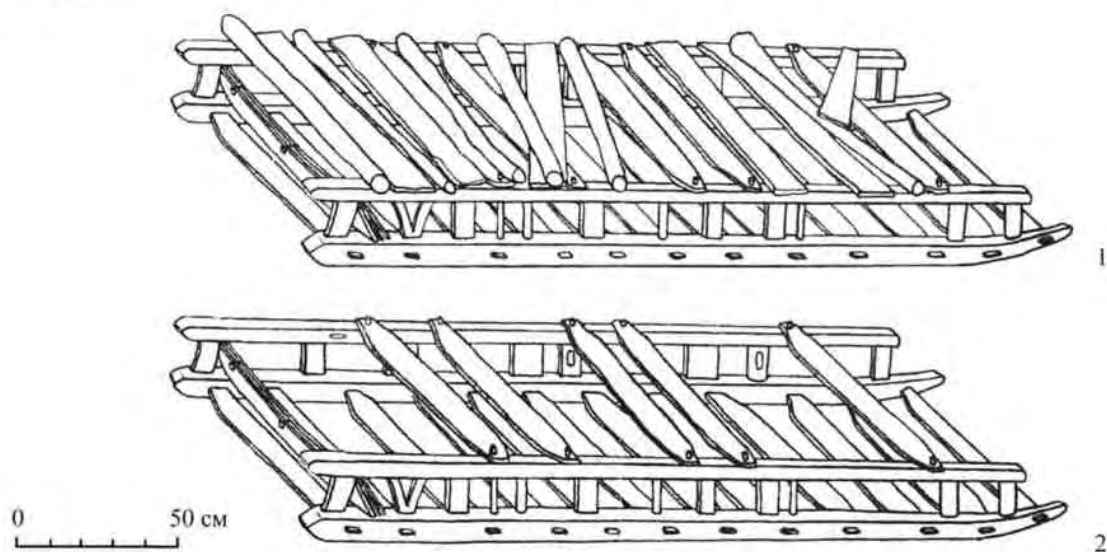

Рис. 7. Реконструкция гробовища. 1 – общий вид с незакрепленными планками и бревнышками в перекрытии; 2 – каркас (скрепленные между собой детали верхнего и нижнего яруса); 3 – реконструкция-схема внешнего вида детали с выступом из перекрытия гробовища.

Fig. 7. Reconstruction of a coffin-served construction. 1 – a general view with unfixed rods and little logs in cover overlapping; 2 – a framework (fastened details of the top and bottom tiers); 3 – reconstruction-scheme of appearance of a detail with a ledge from coffin-served construction cover overlapping

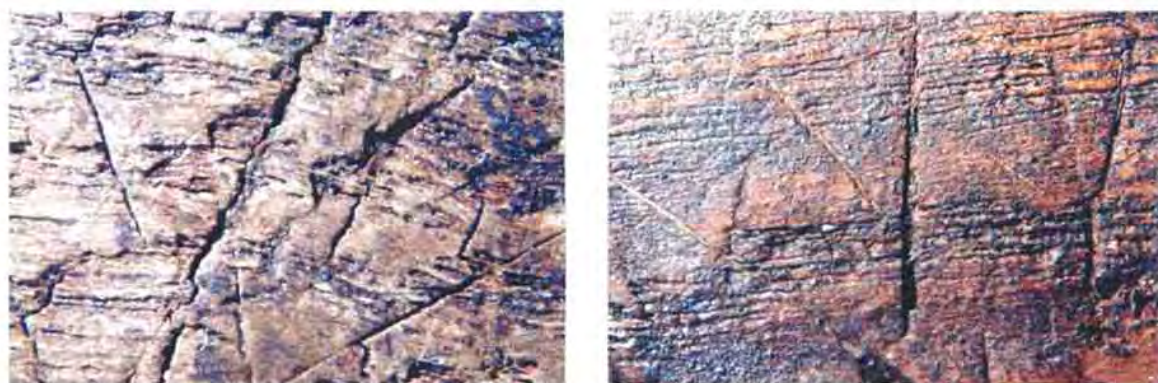
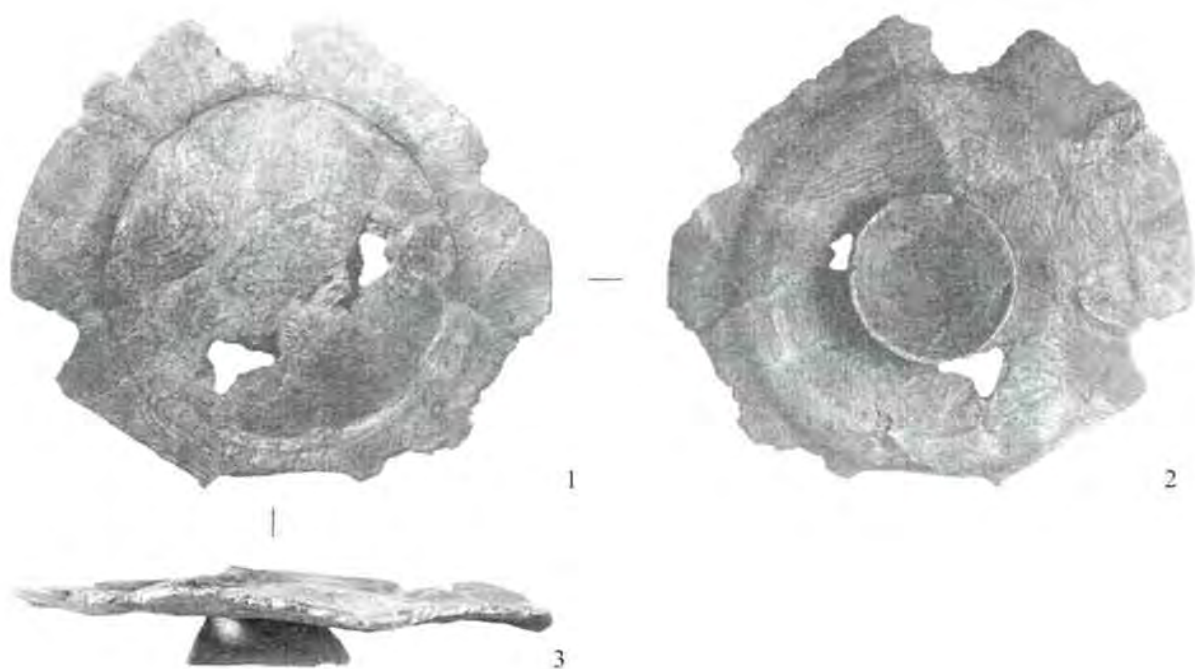

Рис. 8. Деревянное блюдо: 1 – вид сверху; 2 – вид снизу; 3 – вид сбоку; 4 – фрагмент внешней поверхности со следами токарной обработки.

Fig. 8. Wooden dish: 1 – a view from above; 2 – a view from under; 3 – a side view; 4 – a fragment of external surface with traces of turn process

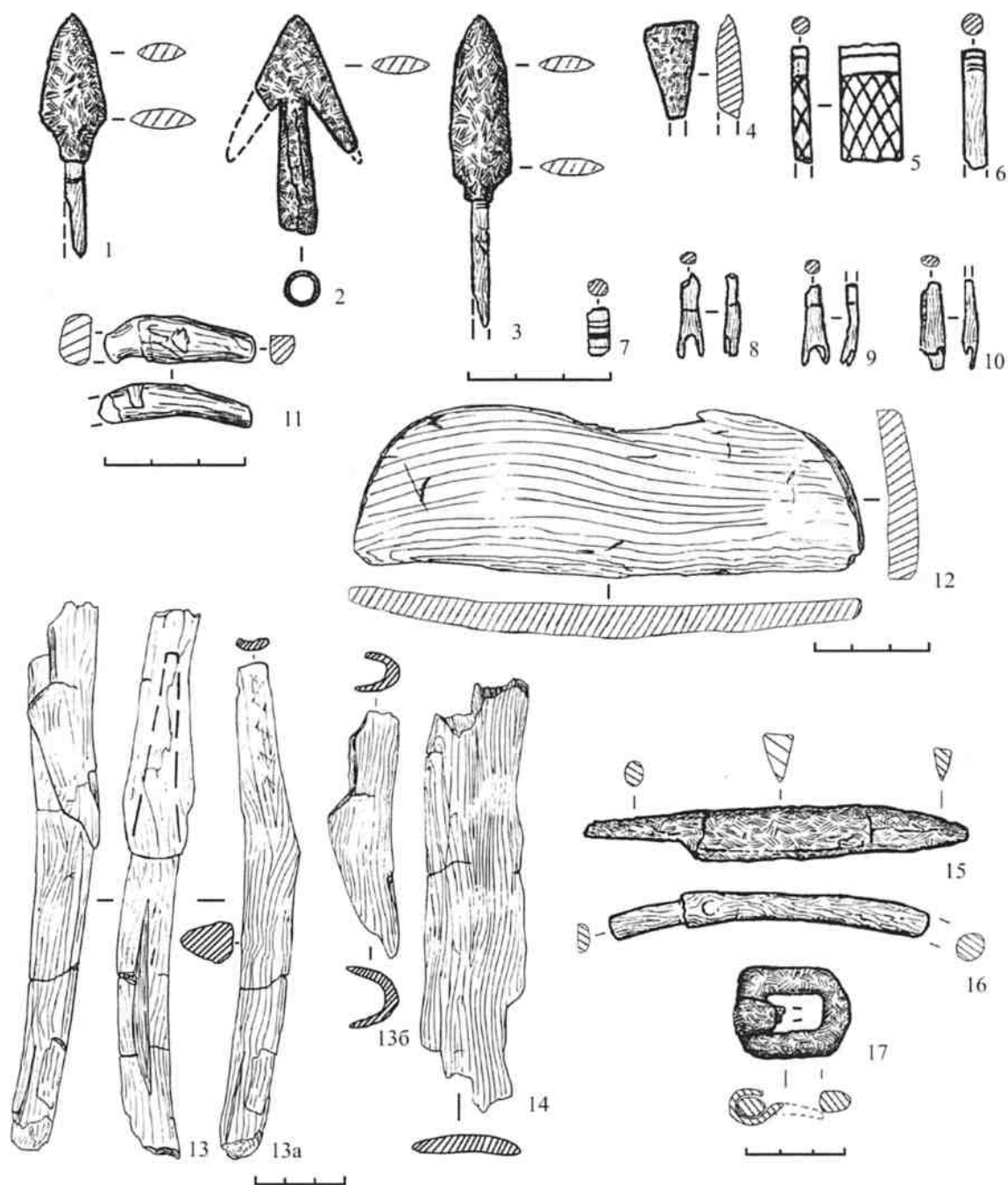

Рис. 9. Инвентарь погребения: 1-4 – железные наконечники стрел; 5-7 – древки стрел с орнаментом; 8-10 – основания древков стрел с ушками; 11 – деревянная застежка колчана; 12 – дощечка из основания (?) колчана; 13 – фрагменты рукояти лука с желобчатой накладкой в собранном виде; 13а, 13б – фрагменты рукояти лука с желобчатой накладкой в разобранном виде; 14 – фрагменты нижней накладки; 15 – железный нож; 16 – фрагмент деревянной палочки; 17 – железная пряжка.

Fig. 9. The burial inventory: 1-4 – iron arrowheads; 5-7 – ornamented arrowstaves; 8-10 – arrowstaff bases with ears; 11 – a wooden quiver fastener; 12 – a plate from the quiver basis (?); 13 – fragments of a bow handle with a gutter-like overlay in the assembled condition; 13a, 13b – fragments of a bow handle with a gutter-like overlay in the disassembled condition; 14 – fragments of the bottom overlay; 15 – an iron knife; 16 – a fragment of a wooden stick; 17 – an iron buckle

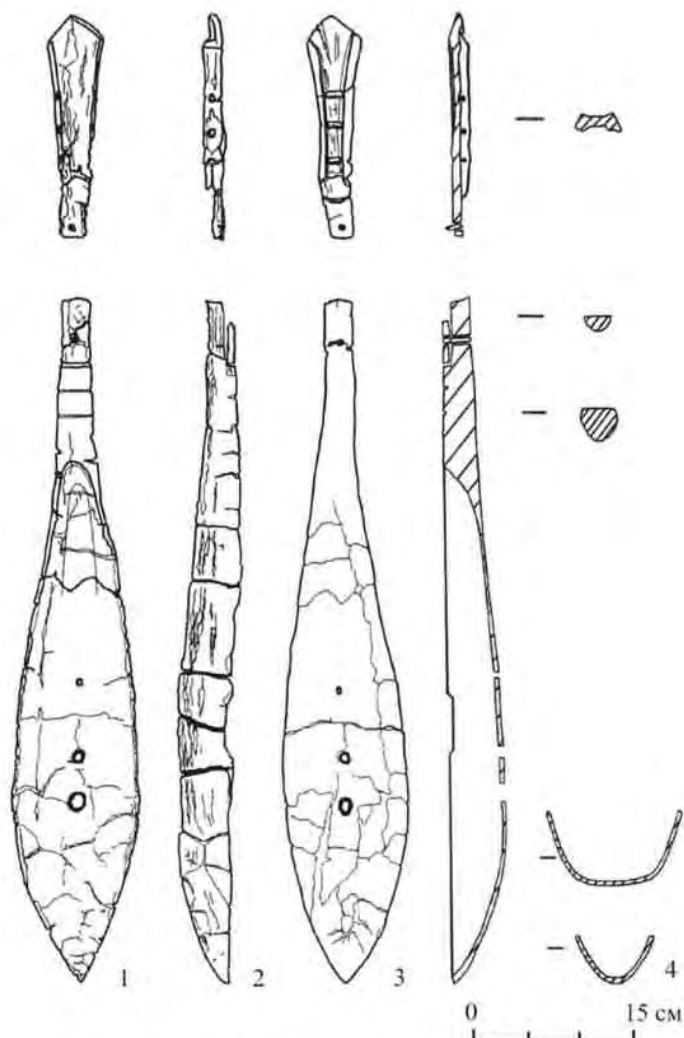

Рис. 10. Деревянный музыкальный инструмент (кобыз): 1 – вид спереди; 2 – вид сбоку; 3 – вид сзади; 4 – продольные и поперечные разрезы.

Fig. 10. The wooden musical instrument (kobyz): 1 – the front view; 2 – the side view; 3 – the rear view; 4 – longitudinal and cross-sections

Рис. 11. Фото и рисунок струнодержателя: 1, 2 – фото (вид спереди и сзади, на позиции 2 видны следы от струн); 3, 4 – рисунок (вид спереди и сзади).

Fig. 11. A photo and drawing of a tailpiece: 1, 2 – a photo (the front and rear view, the traces from strings are visible in position 2); 3, 4 – a drawing (the front and rear view)

Рис. 12. Фото музыкального инструмента: 1 – корытце с грифом; 2 – внешняя и оборотная сторона головки грифа; 3 – часть корытца и грифа с прорезанными ладами.

Fig. 12. A photo of the musical instrument: 1 – a scoop with a fingerboard; 2 – the external and the reverse side of a fingerboard head; 3 – a part of a scoop and a fingerboard with cut stops

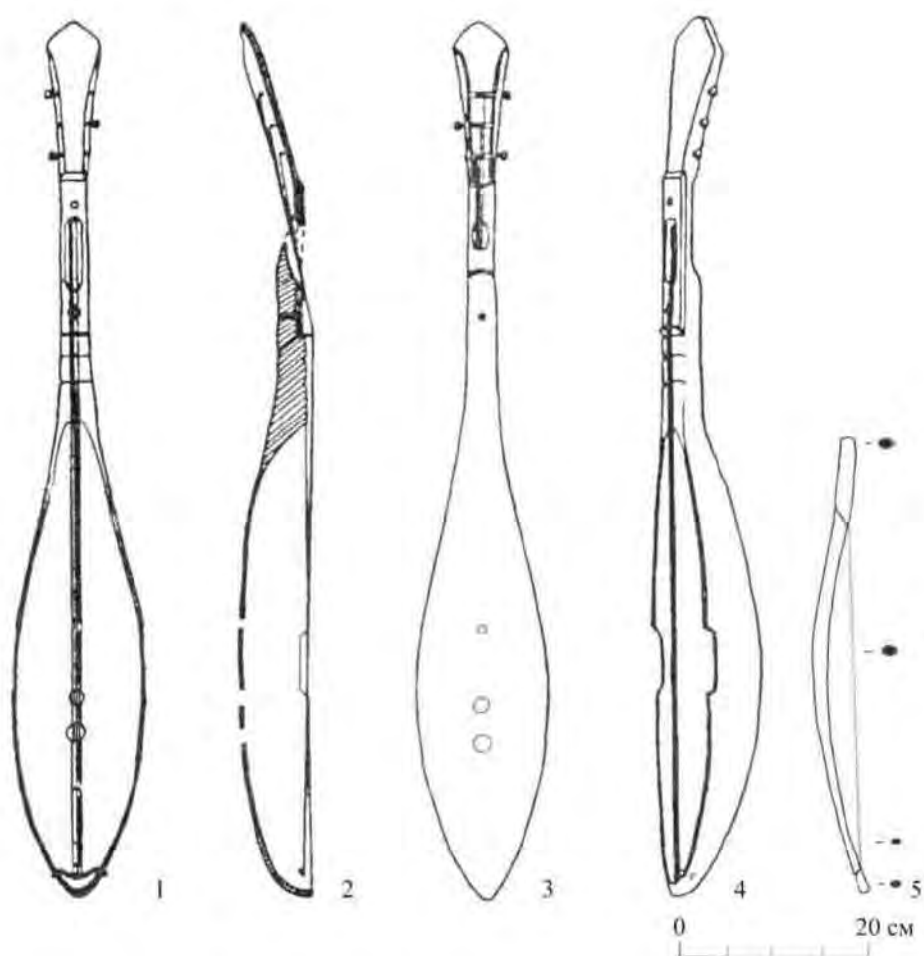

Рис. 13. Реконструкция: 1-4 – кобыз; 5 – смычок.
 Fig. 13. Reconstruction: 1-4 – the kobyz; 5 – the bow

Рис. 14. Деревянное изделие с длинным “витым” стержнем.
 Fig. 14. The wooden item with a long “twisted” rod

Литература и архивные материалы

- Анучин Д.**, 1890. Сани, лады и кони, как принадлежности погребального обряда// Древности. Тр. ИМАО. Т. XIV. М.
- Бурдо Н.Б.**, 2003. Керамічні моделі саней трипільської культури// Український керамологічний журнал. № 1.
- Васильев М.И.**, 2006. Функциональные типы средневековых новгородских упряжных саней: проблемы интерпретации// Новгород и Новгородская земля. История и археология. Мат. науч. конф. Вып. 20. Великий Новгород.
- Вовк Х.**, 1995. Студії з української етнографії та антропології. К.
- Евглевский А.В.**, (в печати). Музыкальные смычковые инструменты из погребений кочевников Золотой Орды// Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк.
- Евдокимов Г.Л., Гершкович Я.П., Фридман М.И., Поруцкий А.Г.**, 1983. Отчет Краснознаменной экспедиции о раскопках курганов в Херсонской области в 1983 г.// НА ИА НАНУ. Ф.е. 1983/2.
- Евдокимов Г.Л., Гершкович Я.П., Поруцкий А.Г., Шевченко Н.П.**, 1984. Отчет Краснознаменной экспедиции о раскопках курганов в Херсонской области в 1984 г.// НА ИА НАНУ. Ф.е. 1984/16.
- Евдокимов Г.Л.**, 1991. "...Співай же йому пісні половецькі" (Літопис Нестора)// Золото степу. Археологія України. Київ; Шлезвіг.
- Избицер Е.В.**, 1990. Погребения с повозками эпохи ранней бронзы в Степном Прикубанье// Древние памятники Кубани. Краснодар.
- Кищенко В.Г.**, 2003. Стрелы древних и средневековых культур Евразии: реконструкция// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.3. Половецко-золотоордынское время. Донецк.
- Колчин Б.А.**, 1968. Новгородские древности. Деревянные изделия// САИ. Вып. Е1-55.
- Колчин Б.А.**, 1971. Новгородские древности. Резное дерево// САИ. Вып. Е1-55.
- Колчин Б.А.**, 1978. Коллекция музыкальных инструментов древнего Новгорода// Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. М.
- Левшин А.И.**, 1996. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких гор и степей. Алматы.
- Медведев А.Ф.**, 1966. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел. VIII- XIV вв.// САИ. Вып. Е1-36.
- Мелетинский Е.М.**, 1985. Огузский эпос "Китаб-и дэдэм Коркут"// История всемирной литературы. Т.9. М.
- Надиров Н.**, 2004. "Вначале был Коркут"// National. № 7.
- Отрошенко В.В., Рассамакін Ю.Я.**, 1986. Половецкий комплекс Чингульського кургану// Археологія. Вип. 53.
- Плетнева С.А.**, 1974. Половецкие каменные изваяния// САИ. Вып. Е4-2.
- Поветкин В.И.**, 1982. Новгородские гусли и гудки (опыт комплексного исследования)// Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.
- Поветкин В.И.**, 1993. Новгород музыкальный по материалам археологических исследований. Раскопки 1992 года// Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Новгород.
- Поветкин В.И.**, 2001. Находки в древнем Новгороде и Русе// Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород.
- Рассамакін Ю.Я.**, 2003. Погребение знатного кочевника на реке Молочной: опыт реконструкции вещевого комплекса// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.3. Половецко-золотоордынское время. Донецк.
- Рыбаков Б.А.**, 1987. Язычество древней Руси. М.
- Рубрук де Гильом**, 1957. Путешествие в восточные страны// Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.

- Симоненко А.В., Ольговский С.Я., Деревянко И.Л., 1982.** Отчет о раскопках курганов у с. Кирова Бериславского р-на и пгт Белозерка Херсонской обл. в 1982 г.// НА ИА НАНУ. Ф.е. 1982/9а.
- Федоров-Давыдов Г.А., 1966.** Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
- Юдин А.И., Лопатин В.А., 1989.** Погребение мастера эпохи бронзы в степном Заволжье// СА. № 3.
- Шалобудов В.Н., Лесничий П.П., 2003.** Опыт реконструкции позднекочевнических повозок (по материалам половецких погребений Поднепровья)// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.3. Половецко-золотоордынское время. Донецк.
- Цимиданов В.В., 2004.** Социальная структура срубного общества. Донецк.
- Basilov V.N., 1989 (ed.).** Nomads of Eurasia. Los Angeles, Seattle, Washington.

Summary

Ya.P.Gershkovich (Kiev, Ukraine)

POLOVETS KOBYZCHI

In 1984 in Polovets burial 1 of barrow 4 near Kirovo village of Berislav region of Kherson province a set of well-preserved and diverse wooden objects which included a sleigh-coffin and a kobyz-like bowed musical instrument was found.

The instrument consists of a boat-shaped scoop and a long fingerboard, a fingerboard head and a lath connecting them; inside at the scoop basis there was a yoke-shaped tailpiece with three cuts for strings. In a scoop body there were three sound holes of different diameter. The articles of similar type were found in the layers of the 11th-15th cc. Velikii Novgorod and partly (i.e. similar by separate details) of Staraia Russa, though with a number of essential constructive differences between them. In Western Europe there were stringed musical instruments related to kobyz and gudok – rebec, fidula or fidel. These “brothers” of a kobyz are considered as “great-grandfathers” of a violin. Later the name kobyz/kobuz was transferred onto the Ukrainian lute-like plucked string musical instrument, kobza.

Being unexpected, the find is quite natural for it fits in with the data on the developed musical culture of the nomadic Turkic-speaking peoples of the late Middle Ages and belongs to one of the early stages of development of this kind of instruments.

The Polovets musician (kobyzchi) had a special social status at a rather low property rank due to his musical gift esteemed by contemporaries. It was one of those singers, shamans and sorcerers whose features were personified by the semi-legendary personage Korkut, a hero of the Turkic epos.

Статья поступила в редакцию в марте 2008 г